

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

МОЛОДЫЧЕНКО Евгений Николаевич — кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Россия, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

e-mail: e.molodychenko@gmail.com

В статье рассмотрены категория ценности и ее эвристический потенциал для анализа и объяснения текстового развертывания традиционных для политического дискурса стратегий идентификации и отчуждения. Основной тезис — утверждение, что дискурс, понимаемый как «видение мира», предполагает наличие встроенных в него ценностных моделей — представлений об идеальном порядке вещей для стоящей за дискурсом группы акторов. Такой дискурс, как коммуникативно-когнитивное (над)пространство, является носителем предзаданных ценностных представлений, которые управляют процессом вербализации. Текстовая репрезентация группы «чужих» осуществляется, таким образом, всегда исходя из ценностной позиции «своих», задаваемой дискурсивно. Ценностная позиция группы «своих» доминантно определяет систему номинаций и оценок в конкретном тексте, а ценностная позиция группы «чужих» с задаваемой ей системой вербализации автоматически отсекается.

ЦЕННОСТЬ; АКСИОЛОГИЯ; ДИСКУРС; ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС; ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ; СТРАТЕГИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ; СТРАТЕГИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ.

Предметом анализа в рамках статьи является ценностный аспект в изучении дискурса и текста как результата дискурсивного процесса. Исследование выполнено как междисциплинарное, сочетающее подходы современной лингвистики и аксиологии.

Выбор ценности в качестве объекта исследования может иметь место в процессе ее изучения как изолированной категории, представляющей самостоятельный исследовательский интерес. С другой стороны, обращение к данной категории может быть обусловлено ее использованием в качестве инструмента исследования, в целом ставящего перед собой какие-то иные задачи. Одним из примеров совмещения обозначенных подходов служит лингвистический анализ текста.

Авторы аксиологически ориентированных лингвистических исследований часто используют категорию «ценность», как если бы речь шла о чем-то интуитивно понятном и заранее известном. При этом вопрос о формулировании дефиниции понятия «ценность», операционализируемого в рамках анализа текста/дискурса, как представляется, остается открытым. Данным фактом определяется актуальность предпринимаемого нами исследования, одна из задач которого — уточнение дефиниции и выявление прикладного характера аксиологических разработок применительно к лингвистическому дискурсу-анализу. С другой стороны, актуальным остается и вопрос о выработке системного подхода к текстоориентированному анализу ценностей с использова-

нием конкретного инвентаря лингвистических инструментов.

Задача операционализации ценности в текстовом анализе оказывается не самой простой прежде всего ввиду неоднозначности самой категории. Несмотря на то что история изучения вопроса достаточно солидна, единого и непротиворечивого представления о дефиниции и границах понятия, по-видимому, не существует [См., например: 1–6]. Из концепций, в целом близких нашему пониманию, однако более «расширительных», следует указать концепцию И.И. Докучаева. Приведем здесь определение ценности, сформулированное им: «Под ценностью мы понимаем идеальную модель какого-либо явления. Идеальность трактуется как набор требований к этому явлению, которое, стало быть, необходимо либо изменить, либо соотнести (оценить) в соответствии с моделью. Модель эта включает субъективные требования человека, которые, однако, трудно отделимы от объективных» [7, с. 20]. По мнению Докучаева, одна из важнейших характеристик ценностной модели – ее тотальный характер: каждое явление мира имеет свое ценностное отражение. Другой важной характеристикой ценностной модели является ее порождающий характер: ценностная модель лежит в основе всей человеческой деятельности и ее продуктов [Там же. С. 61].

Следует различать понимание ценности, являющееся, по-видимому, *производным от языкового значения* лексемы «ценность», и собственно *терминологическое*. На эту особенность, в частности, указывает Д.А. Леонтьев [8]. Ссылаясь на антрополога Дороти Ли, он отмечает, что имеет смысл различать конкретную ценность (a value) или систему ценностей (system of values) конкретной культуры и ценность чего-либо вообще *как абстрактное понятие* (value), синонимичное значимости, субъективному смыслу [Там же. С. 6–7].

Под ценностью в предлагаемых рассуждениях далее будем понимать идеальное образование – «модель должного» (a value), задающую ориентиры человеческой деятельности. Те случаи, когда что-либо номинируется «ценным», следует рассматривать как вытекающее из языкового значения лексемы и практики ее речевого употребления. Подобные высказывания следует трактовать как утверждение, что некоторый объект или явление обладает той или

иной *значимостью*. Такая значимость может *определяться соотношением* с ценностной моделью, но сама по себе *не есть ценность*.

Как идеальная модель ценность существует в двух базовых формах. Она может рассматриваться, во-первых, как компонент индивидуального сознания, т. е. как когнитивная модель на материальном субстрате головного мозга индивида, а во-вторых, как компонент надындивидуального, общественного сознания. Как компонент общественного сознания ценность, в сущности, является разновидностью групповых представлений. Понимание ценности, таким образом, можно уточнить, указав, что ценность отражает *выработанное социумом*, находящимся на определенном этапе развития в определенных исторических условиях, *представление об идеальном положении вещей*, соотносимое с конкретной областью человеческой деятельности.

Поскольку мы исходим из представлений дискурсивной парадигмы, следует признать первичность социальных ценностей как в генетическом смысле, так и в качестве объекта анализа. Такое понимание, в частности, созвучно трактовке ценности, принятой в социально-когнитивном направлении дискурс-анализа, представленном Т. ван Дейком. О генетической первичности социальных ценностей говорится и в работах по психологии [См., например: 5].

Итак, двумя основными формами существования ценностей являются индивидуальные личностные ценности и общественные идеалы, имеющие надындивидуальный характер, существующие в форме группового представления. Одной из основных форм фиксации и генерирования ценностных моделей как надындивидуальных групповых представлений являются языковые корреляты общественных практик – дискурсивные формации.

Обозначенная позиция проистекает из теоретических и методологических основ дискурс-анализа, опирающихся, в свою очередь, на принципы философии *социального конструционизма*. Для последней характерны четыре общие посылки [8, с. 9–12]. Во-первых, это критическое отношение к «само собой разумеющемуся» знанию. Наши знания о мире не следует рассматривать как нечто объективное: реальность доступна через посредничество категорий, т. е. наши знания и репрезентации не

отражают реальность «как таковую», но скорее являются результатом специфических способов ее категоризации, или — в дискурс-аналитических терминах — наши знания суть продукты дискурса. Во-вторых, это историческая и культурная обусловленность знаний о мире. Наши знания о мире — результат вписанных в конкретный исторический контекст дискурсивных взаимодействий между людьми. Дискурс в таком случае является формой социального поведения, участвующего в создании социального мира, включающего знания, идентичности и социальные отношения, а следовательно, и в закреплении и поддержании конкретных социальных паттернов. В-третьих, это связь знания и социальных процессов: наши знания о мире создаются и закрепляются в процессе социального взаимодействия, где различные акторы оспаривают право на фиксацию своей, единственно верной, интерпретации действительности. В-четвертых, это связь знания и социального поведения: определенные способы интерпретации действительности делают одни шаблоны недискурсивного поведения вполне естественными, другие — неприемлемыми.

Взаимообусловленность дискурса и ценностных моделей имеет комплексный характер. Любой дискурс, понимаемый как артикуляция элементов, транслирующая некоторое видение мира, транслирует последнее не беспристрастно, но с точки зрения обобщенных представлений об идеальном порядке вещей для стоящих за дискурсом акторов. В реконструируемом дискурсом фрагменте мира всегда что-то рассматривается как желанное, правильное, хорошее, а что-то как отвергаемое, ложное, плохое. Дискурс отсекает одни варианты интерпретаций и предполагает другие — эту аксиому дискурсивного подхода можно и должно применить к функционированию ценностных моделей. Приведенное выше утверждение справедливо в первую очередь по отношению к такой разновидности дискурса, как политический.

Политический дискурс следует интерпретировать как комплексное и «многокомпонентное» явление или — в дискурс-аналитической терминологии — как *порядок дискурса*, где сталкиваются и конкурируют различные *типы дискурса* за утверждение своей версии артикуляции элементов дискурсивного поля, своего «видения мира» [См. подробнее: 8].

Мы исходим из представления, что базовыми *ценностными координатами* политического дискурса являются полюса оппозиции «свой — чужой». Данное утверждение основывается на реализованном ранее дискурс-аналитическом проекте применительно к политике США в привязке к двум выделяемым историками и политологами периодам — периоду холодной войны и периоду нового мирового порядка в XX веке. Выявленная в ходе исследования регулярность лексико-грамматических представлений позволяет говорить о последовательной репликации на протяжении двух упомянутых отрезков истории единообразного видения мира (типа дискурса). Назовем такой тип дискурса в рабочем порядке «дискурсом глобального антагонизма» [См. подробнее: 9].

В качестве логического развития упомянутого выше исследования проведем аксиологически акцентированный анализ речи американского президента Б. Обамы, посвященной актуальному конфликту США и России. Такая преемственность позволит соотнести выявляемые в результате лингвистического анализа смыслы с системой дискурса «глобального антагонизма», предположительно реплицируемого конкретным текстом, а также подтвердить аксиологическую природу выявленной в процессе анализа «рецептивной программы».

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что ценностное содержание реализуется в тексте одновременно в двух плоскостях. Данные две плоскости соответствуют двум (из трех) выделяемым М. Хэллидеем языковым мета-функциям — идеационной и межличностной (*ideational and interpersonal meta-functions*) [См. подробнее: 10]. В идеационном плане ценность (ре)конструируется как «квант знания»; происходит «концептуализация» ценности по мере развертывания текста, в результате чего содержание определенной ценности/ценностей прирастает новыми смыслами. В межличностном плане ценностное содержание развертывается как конструируемая текстом оценочная позиция, к которой адресату предлагают «присоединиться».

Очевидно, что процесс «концептуализации» ценности не ограничивается рамками отдельного текста, но характеризуется преемственностью и определенной динамикой развития в пределах группы текстов. Такие тексты

могут, в частности, составлять один дискурс в указанном выше смысле. Аналогичная преемственность и динамика, как представляется, характерны и для оценочной позиции в рамках одного дискурса.

В приведенном ниже анализе будем исходить из представления, что ценностные смыслы выстраиваются вокруг базовой оппозиции политического дискурса «свои – чужие». Конкретнее, поскольку в тексте доминирует мотив конфликта и противостояния сторон, рассмотрим, какую специфику имеет текстовое представление этих сторон и какую роль при этом играют собственно ценностные смыслы.

С точки зрения идеационной семантики интерес представляет то, каким образом в лексико-грамматических структурах отражается физический контекст/экстралингвистическая реальность, или – в терминах М. Хэллидея – «поле» (field). С точки зрения межличностной семантики интересно проследить, как выражается оценочная позиция автора текста по отношению «полю» конфликта. Здесь также важен ответ на вопрос, насколько автор текста готов допустить оценочную/ценностную позицию второй стороны конфликта, а с точки зрения адресности, насколько безапелляционно потенциальному адресату предлагается присоединиться к оценочной позиции автора, и открывает ли текст (в самом широком смысле) пространство для альтернативного мнения и альтернативной оценочной/ценностной позиции.

Анализ текстового материала показывает, что моделирование сторон конфликта в тексте осуществляется путем последовательного аккумуляирования текстовой семантики вокруг двух полюсов. Причем центром этих полюсов являются абстрактные идеи, а не конкретные акторы. Данное положение иллюстрируется анализом системы транзитивности (transitivity, по М. Хэллидею) в нескольких первых абзацах текста, где в качестве актантов процессов выступают абстрактные сущности. Ср. использование лексемы *ideals* в первом предложении пятого абзаца, с которого начинается непосредственное структурирование поля конфликта:

And it was here in Europe, through centuries of struggle, through war and enlightenment, repression and revolution, that a particular *set of ideals* began to emerge...

Весьма показательно, что автор начинает конструирование поля конфликта с вписывания его в непосредственный физический контекст (ср.: *and it was here in Europe*; речь произносится в Брюсселе для представителей ЕС и НАТО) – первый шаг для включения непосредственного адресата (Европы) в группу «своих».

Тематическая часть следующих предложений «подхватывает» того же абстрактного актора, обеспечивая дальнейшее текстовое конструирование «своего» полюса конфликта, ср.:

And those ideas eventually inspired a band of colonialists...

But those ideals have also been tested...

Таким же образом в тексте формируется и полюс «чужих», основным актором которого является абстрактная сущность:

Those ideals have often been threatened by older, more traditional view of power...

Ср.: [*goal*] *those ideals* [*process*] *have been threatened* [*actor*] *by view of power.*

Специфичность лексико-грамматического структурирования поля конфликта обнажает и тот факт, что абстрактные сущности фигурируют не только как актанты физических процессов, но и в семантической роли адресанта (*sayer*) вербальных процессов, прототипически соотносимых (в грамматике английского языка) с наделенными интеллектом субъектами, ср.:

This alternative vision argues...

Аналогичным образом абстрактные сущности (ср.: *vision*) через метафору (*roots itself*) могут быть источником «предикации идеи» (*idea clause*; ср.: *the notion that...*):

Often this alternative vision roots itself in the notion that by virtue of race or faith or ethnicity, some are inherently superior to others and that individual identity must be defined by us versus them, or that national greatness must flow not by what people stand for, but what they are against.

Основной фрейм конфликта, таким образом, структурируется взаимодействием абстрактных акторов, т. е. описывается как конфликт идей и видений мира, что, кстати, вполне прямолинейно иллюстрируется следующим высказыванием:

In so many ways, the history of Europe in the 20th century represented the ongoing clash of these two sets of ideas, both within nations and among nations.

Помимо абстрактных актантов в две противопоставленные в конфликте группы входят

и конкретные акторы. Однако роль их следует охарактеризовать как второстепенную: действия данных акторов вписываются в готовую схему конфликта, полюса которого заданы идейным содержанием (sets of ideas). Например, идеалы группы «своих» лексико-грамматически иницируют процессы, в которых участвуют уже конкретные агенты:

And [agent] these ideas eventually [process] inspired a [goal] band of colonialist across an ocean...

Следующее предложение «подхватывает» данных акторов в тематической части, где они уже сами выступают в агентивной роли:

...and they [colonialist] wrote them into the founding documents that still guide America today.

Другим вариантом текстовой актуализации конкретных акторов, подчеркивающих их второстепенность по отношению к основным «действующим лицам» конфликта, является их функционирование в пределах предикаций (projected clauses), проецируемых лексемами со значением «идея», ср.: использование лексемы *belief* как основного актора фрейма конфликта для проекции предикации идеи:

...the belief that through conscience and free will, each of us has the right to live as we choose...

Итак, поле конфликта задается двумя полюсами идейного содержания, в которые вписываются исторические события, конкретные действия и группы лиц. Предыдущее утверждение также позволяет охарактеризовать данный конфликт (в его текстовом отражении!) как конфликт ценностей. Такой подход в интерпретации обоснован как минимум в силу трех причин. Во-первых, одной из основных лексем для номинации «своего» полюса конфликта является лексема *ideals*, отсылающая своей семантикой к «модели должного», т. е. к ценностям. Интересно в этой связи заметить, что группы полюса «чужих» текстуально не имеют «идеалов», так как данная лексема для номинации этого полюса не применяется: с точки зрения лексико-грамматической реализации идеалы/ценности могут быть только у «своих», но не у «чужих» (ср., например: ...we must meet the challenge to our ideals). Во-вторых, для семантического наполнения полюса «своих», как это свойственно американскому президентскому дискурсу вообще, используются традиционные ключевые слова и выражения ценностного архива американской культуры

(ср.: conscience and free will, the right to live and choose, equal trade and open markets, international law, democracy, human dignity и т. д., и т. п.). Поскольку данные слова, так или иначе, фиксируют некоторые важные ценностные отношения, их текстуальный «захват» полем «своих» одновременно лишает всех этих ценностей группу «чужих». В-третьих, лексико-грамматически идеалы и ценности группы «своих» являются «мотивообразующими» для входящих в группу акторов (ср.: those ideas eventually inspired a band of colonialists...) – это одна из специфических характеристик ценностей.

Второй ракурс нашего анализа связан с тем, как выражается оценочная позиция автора по отношению к идеационному содержанию текста в плане ее диалогичности. Для проекции в текстовые структуры позиции автора и стоящей за ним группы «своих» используются языковые средства оценки, преимущественно семантического поля «суждение» (judgement, по Дж. Мартину и П. Уайту), поскольку текст в первую очередь ориентирован на оценку противопоставленной группы акторов через их активность.

Одним из способов введения в текст такой оценки является использование номинаций процессов, где в семантику лексемы помимо дескриптивного содержания «встроена» и оценка, кодирующая отношение автора и соответственно его (предположительную) ценностную позицию. Так, в следующем примере для описания взаимодействия России с Украиной используется лексема с эмотивным компонентом (ср.: to bully – use superior strength or influence to intimidate (someone), typically to force them to do something), отражающим оценочное отношение автора к процессу:

...bigger nations can bully smaller ones to get their way.

Анализируя способы номинации активности России в данном тексте, можно смоделировать некоторое ценностное пространство, определяемое представлениями о справедливости и справедливых международных отношениях, ср.:

And that's why Russia's violation of international law, it's assault on Ukraine's sovereignty and territorial integrity, must be met with condemnation...

Together, we've condemned Russia's invasion of Ukraine and rejected the legitimacy of the Crimean

referendum. Together, we have isolated Russia politically, suspending it from the G-8 nations and downgrading our bilateral ties. Together, we are imposing costs through sanctions that have left a mark on Russia and those accountable for its actions.

But that doesn't mean that Russia can *run roughshod* over its neighbors. Just because Russia has a deep history with Ukraine does not mean it should be able to *dictate* Ukraine's future. No amount of *propaganda* can make right something that the world knows is wrong.

В приведенных примерах обозначенная оценочная позиция проецируется номинациями процессов (*violation, assault, invasion, to run roughshod, to dictate, propaganda*) и предикатами «осуждения» (*condemnation, to condemn*). Более того, понимание системы оценки как системы семантики текста, способной развертываться на отрезках больших, чем предложение, позволяет говорить о проекции ценностной позиции и через идеационное содержание (все описываемые санкции по отношению к России – *isolated, suspended* и пр.). Ср. также в этой связи развертывание средств системы суждения (*judgement*) с противоположной полярностью для описания активности Украины:

And meanwhile, the United States and our allies will continue to *support* the government of Ukraine as they chart a democratic course. Together, we are going to provide a *significant package of assistance* that can help stabilize the Ukrainian economy and meet the basic needs of the people.

Таким образом, можно говорить о последовательной проекции одной и той же ценностной позиции США/группы «своих»: «помощь тем, кто в беде», «порицание тех, кто нарушает наши представления о справедливости, морали и пр.».

Ценностную позицию, определяемую понятиями «свобода», «мир», «свободный выбор» и пр., очевидно, проецирует и оценка, выраженная в обстоятельстве *through brute force* процесса *achieve*:

...the Russian people will recognize that they cannot achieve the security, prosperity and the status they seek *through brute force*.

Таким образом, взгляд на целостную систему оценки текста позволяет в определенной степени реконструировать заложенную автором рецептивную программу. В аксиологическом ключе можно говорить, что система средств

оценки проецирует определенную ценностную позицию автора и стоящей за ним группы. Данная позиция в анализируемом тексте, как представляется, определяется понятиями «свобода», «равенство», «уважение международного законодательства» и т. п.

С точки зрения диалогичности выражение ценностной позиции автора и его группы следует охарактеризовать как безапелляционное, не допускающее выражение ценностной позиции другой стороны конфликта. В лексико-грамматическом плане это реализуется несколькими способами.

Так, Россия фигурирует в роли актанта только в физических процессах, номинации для которых демонстрируют некоторую тенденциозность. Лишь в нескольких случаях Россия получает «право голоса» как актант вербальных процессов для аргументации своей позиции, ср.:

(1) Russia's *justified* these actions as an effort to prevent problems on its own borders and to protect ethnic Russians inside Ukraine. *Of course*, there is no evidence, never has been, of systemic violence against ethnic Russians inside of Ukraine.

(2) Moreover, Russia *has pointed* to America's decision to go into Iraq as an example of Western hypocrisy.

(3) In defending its actions, Russian leaders have further *claimed* Kosovo as a precedent, an example, they say, of the West interfering in the affairs of a smaller country, just as they're doing now.

(4) So our approach stands in stark contrast to *the arguments* coming out of Russia these days. It is absurd to suggest, as a *steady drumbeat of Russian voices* do, that America is somehow conspiring with fascists inside of Ukraine but failing to respect the Russian people.

Кажущаяся диалогичность, привносимая приведенными выше примерами, нивелируется, однако, способом их текстовой репрезентации. Во-первых, обращает на себя внимание использование глаголов, вводящих косвенную речь (*framers*), семантика которых явно проецирует позицию «своих», ср.:

to claim – state or assert that something is the case, *typically without providing evidence or proof*; акцентирование смысла «голословно утверждать»;

justify – show or prove to be right or reasonable; в контексте системы оценки всего текста вероятным прочтением будет «оправдываться»;

point – cite a fact or situation as evidence of something; в данном контексте также предположительно несет (общую) негативную оценку.

Во-вторых, тенденциозным представляется способ формулирования «голоса» оппозиции: содержание высказываний не передается прямым цитированием или в косвенной речи, но «свернуто» в объект при вербальном процессе (verbiage), ср.:

justified these *actions*;

claimed *Kosovo*;

has pointed to *America's decision*.

Дальнейшее содержание разъясняется в нефинитных предикациях (an effort to prevent problems, the West interfering in the affairs of a smaller country) или «свернуто» в номинализацию (an example of Western hypocrisy). И то и другое как бы «отдаляет» эти формулировки от того, что было сказано на самом деле, и позволяет исключить передачу оценочной, а вместе с ней и ценностной позиции другой стороны (которую, очевидно, можно было бы определить в оригинальных формулировках).

Обращает на себя внимание и лексико-грамматическое оформление пропозиции *America's decision to go into Iraq*: несмотря на то что это мнение должно принадлежать противоположной стороне конфликта, его формулировка в нейтральных, устраняющих оценку терминах (decision to go; ср.: возможные в данной синтагматической последовательности опции – to invade, to wage a war, to assault и пр.) указывает на то, что оно также сформулировано с ценностной позиции «своих»: мы действовали, исходя из представлений о справедливости, свободе и т. п.

Потенциальный диалогизм, вносимый в текст приведенными выше примерами, также нивелируется средствами конструирования потенциального адресата как однозначно разделяющего предлагаемую ценностную позицию и интерпретацию событий вообще (ср. использование *of course* в примере 1 выше).

Еще одним способом введения в текст «голоса» России является то, что можно назвать «подразумеваемой атрибуцией», ср.:

And once again, we are confronted with the *belief among some* that bigger nations can bully smaller ones to get their way – that recycled maxim that might somehow makes right [*sic*].

Номинативная группа *belief among some* открывает пространство конкурирующего мнения

(выраженного следующей далее предикацией проекции – that bigger nations can bully smaller ones to get their way), что теоретически должно расширять диалогичность текста. Однако такая диалогичность опять же нивелируется лексико-грамматической реализацией с позиции «своих» (см. выше разбор семантики глагола *to bully*). При этом мнение приписывается некоторому внешнему голосу (among some), предположительно принадлежащему России.

Несмотря на обозначенные выше «псевдодиалогичные вкрапления», в плане допущения иной ценностной позиции, отличной от доминирующей, текст монологичен. Не случайно, как уже было указано выше, Россия преимущественно является актантом физических процессов. Более того, реализуются они либо в виде пресуппозиции, либо через номинализацию. Вкупе с рассмотренными выше средствами оценки такой способ формулирования делает проекцию ценностной позиции «своих» абсолютной; любое пространство для иной ценностной позиции отсекается. Ср. «вынесение» основного утверждения в нефинитную предикацию:

Russia has resisted diplomatic overtures, *annexing* Crimea and *massing* large forces along Ukraine's border.

Аналогично через номинализацию определенная ситуация репрезентируется как пре-конструкт (термин П. Серио):

Our borders are not threatened by *Russia's annexion*...

And that's why *Russia's violation* of international law, *its assault* on Ukraine's sovereignty and territorial integrity, must be met with condemnation...

We've condemned *Russia's invasion* of Ukraine and rejected the legitimacy of the Crimean referendum.

На данном этапе представляется возможным объединить разведенные ранее два ракурса анализа – структурирование поля конфликта и степень доминирования ценностной позиции автора. Моделирование потенциальной ценностной позиции автора, определившей отбор средств оценки, позволяет говорить о ее *содержательном сходстве* с идейным полюсом «своих» в поле конфликта. Анализ системы оценки, развертываемой в тексте, реконструирует ценностную позицию автора как определяемую через понятия «справедливость», «междуна-

родные нормы», «свобода», «помощь слабым» и пр. Похожими понятиями определяется и «свой» полюс конфликта. В реализации фрейма конфликта обозначенные ценности выступают в роли «идеалов», способных действовать как самостоятельные сущности или мотивировать поведение конкретных акторов. Причем как с точки зрения структурирования поля конфликта, так и с точки зрения реализации авторской позиции группа «чужих» не имеет права на обозначенные ценности. В плане структурирования поля конфликта полюс «чужих» наполняется идейным содержанием, актуализирующим антиценности; лексико-грамматически «чужие» не могут быть мотивированы идеалами. В плане доминирования авторской позиции «чужие» лишены «права голоса»; текст лишь репрезентирует их активность через призму «своей» ценностной позиции.

Итак, краткое рассмотрение возможных подходов к трактовке понятия «ценность» позволило определить последние как модель идеального положения вещей, групповое пред-

ставление, разделяемое социумом, связанное с определенной общественной практикой. Каждому дискурсу, понимаемому как совокупность текстов, фиксирующих некоторое видение мира, свойственны определенные модели и их конфигурации. Методология аксиологически ориентированного анализа предполагает, во-первых, работу с комплексной системой языковых средств текстового целого, во-вторых, дискурсивный подход осуществления текстового анализа. Первый аспект предполагает системный анализ языковых средств реализации ценностного смысла в двух плоскостях – идеационной и межличностной, как было продемонстрировано выше. Такой анализ позволяет выявить некоторую «рецептивную программу», заложенную в тексте. Второй аспект указывает на то, что данную рецептивную программу следует интерпретировать как «ценностное содержание», если аналитическим путем обнаруживается некоторая устойчивость его реализации на *дискурсивном уровне*, т. е. в целой совокупности текстов, фиксирующих данное видение мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дробницкий О.Г.** Мир оживших предметов: проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967. 351 с.
2. **Nordby H.** Values, cultural identity and communication: A perspective from philosophy of language // J. of Intercultural Communication. June 2008. Iss. 17. URL: <http://www.immi.se/intercultural/nr17/nordby.htm> (accessed 10.11.2014).
3. **Harman G.** Explaining Value // Social Philosophy and Policy. 1994. No. 11 (1). Pp. 229–248.
4. **Hazaea A.N., Ibrahim N., Mohd Nor N.F.** Discursive Legitimation of Human Values: Local-global Power Relations in Global Media Discourse // GEMA Online J. of Language Studies. 2014. Vol. 14 (1). Pp. 171–187. URL: <http://ejournal.ukm.my/gema/article/view/3821/2677> (accessed 10.11.2014).
5. **Perry R.B.** General Theory of Value: Its Meaning and Basic Principles Construed in Terms of Interest. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1950. 702 p.
6. **Rescher N.** Value Matters: Studies in Axiology. Frankfurt Lancaster: Ontos Verlag, 2004. 134 p.
7. **Докучаев И.И.** Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с.
8. **Леонтьев Д.А.** Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Современ. социоанализ: сб. работ авторов, получивших гранты Моск. отделения Рос. науч. фонда и Фонда Форда. VI вып. М., 1996. С. 5–23.
9. **Баева Л.В.** Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии. М.: Прометей : Изд-во МПГУ, 2003. 240 с.
10. **Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н.** История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

E.N. Molodychenko

AXIOLOGICAL DIMENSION OF POLITICAL DISCOURSE

MOLODYCHENKO Evgeniy N. – *Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics.*

Myasnitskaya ul., 20, Moscow, 101000, Russia
e-mail: e.molodychenko@gmail.com

The paper deals with an axiological dimension in discourse studies. It presents different theories of values in Russian and European scientific research, focuses on the heuristic potential of values and value studies for discourse analyses. Specifically, the two traditional strategies in political discourse, i.e. identification and out-casting, are analyzed vis-à-vis the category of value. It is contended that values are integrated in discourse, with “discourse” construed as a “way of speaking which gives meaning to experiences from a particular perspective”. Values are defined as notions about ideal states of affairs tied to specific social practices as instantiated in their respective discourses in the abovementioned sense. These discourse-specific values, as common-sense, taken-for-granted, notions of excellence, control verbalization processes. An “out-group” is thus always represented textually out of the discourse-driven system of values of an in-group. An in-group system of values pre-frames word choice, attitudes and evaluations in a text/texts, with an out-group system of values being automatically ruled out.

VALUE; THEORY OF VALUES; DISCOURSE; POLITICAL DISCOURSE; DISCOURSE ANALYSES; STRATEGY OF IDENTIFICATION; STRATEGY OF OUT-CASTING.

REFERENCES

1. Drobnitskiy O.G. *Mir ozhivshikh predmetov: problema tsennosti i marksistskaya filosofiya* [A World of Sentient Things: Value and Marxist Philosophy]. Moscow, Politizdat Publ., 1967. 351 p. (In Russ.)
2. Nordby H. Values, cultural identity and communication: A perspective from philosophy of language. *J. of Intercultural Communication*, 2008, iss. 17. Available at: <http://www.immi.se/intercultural/nr17/nordby.htm> (accessed 10.11.2014).
3. Harman G. Explaining Value. *Social Philosophy and Policy*, 1994, no. 11 (1), pp. 229–248.
4. Hazaea A.N., Ibrahim N., Mohd Nor N.F. Discursive legitimation of human values: local-global power relations in global media discourse. *GEMA Online J. of Language Studies*, 2014, vol. 14 (1), pp. 171–187. Available at: <http://ejournal.ukm.my/gema/article/view/3821/2677> (accessed 10.11.2014).
5. Perry R.B. *General Theory of Value: Its Meaning and Basic Principles Construed in Terms of Interest*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 1950. 702 p.
6. Rescher N. *Value Matters: Studies in Axiology*. Frankfurt Lancaster, Ontos Verlag, 2004. 134 p.
7. Dokuchaev I.I. *Tsennost' i ekzistentsiya. Osnovopolozhenia istoricheskoy aksiologii kultury* [Value and Existence. Foundations of Historical Axiology of Culture]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 595 p. (In Russ.)
8. Leontyev D.A. [Value as interdisciplinary concept: a multidimensional view]. *Sovremennyy sotsioanaliz* [Contemporary Social Analysis: Papers of Moscow Russian Science Foundation and Ford Foundation grant-holders]. Vol. VI. Moscow, 1996. Pp. 5–23. (In Russ.)
9. Baeva L.V. *Tsennostnye osnovaniya individualnogo bytiya: opyt ekzistentsialnoy aksiologii* [Value foundations of individual existence: a perspective from existential axiology]. Moscow, Prometey, MSPU Publ., 2003. 240 p. (In Russ.)
10. Chernyavskaya V.E., Molodychenko E.N. *Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskiy obraz “svoikh” i “chuzhikh”* [History in political discourse: Linguistic construction of US and THEM]. Moscow, LENAND Publ., 2014. 200 p. (In Russ.)